

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес

ВЫБЧАНС

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес

В. ТЮТЮННИК

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Провода качает ветер, Словно колыбель. Мой сынок пригож и весел — Маленький Данель.

Он с игрушками резвится — Хочется гулять. Вечерком повеселится — Ляжет поздно спать.

Звездочка в ночи погасла, Мальчик тоже спит. Талисман ему на счастье Мама подарит.

Малышок проснулся утром — Зарево кругом. Показалось, что как будто Загорелся дом.

Это солнышко проснулось, Песенку поет. Радость к мальчику вернулась, Рядышком идет.

Л. ШЕМЕЛЕВ

Я взглянул на часы И задумался вдруг — Это жизни весы, Мера — стрелочный круг. Почему, что прошло Вновь уже не придет? Почему, что грядет, Нас уж не подождет? Потому, что бегут Стрелки наших часов, И секундами ткнут Дни прошедших годов. А что будет — придет, Надо лишь подождать, И за стрелкой часов Не спеша прошагать.

М. МУХИНА

Это мой плач, Разбитый о стекла. Голос — палач Гремящий. И взмокла Старая тушь

На маленьком небе. Ты мне не муж, Как больно, ты — небыль. Этой мой сон, Разорванный в клочья. Тихий поклон Твоим многоочьям. Горькая муть Несбывшейся жажды. Вот она суть — Ты будешь, однажды.

В. ФЕЛЬДМАН

Страшно лежать на зеленом дне, Глядя на солнце глазами моря. Камни хотят, хотят и вне Водной среды рассуждать не споря. Камни хотят молодой травы, Выпить росы и притихнуть на день. Камни хотят, а хотите вы В море попасть интереса ради?

А. РАДЧЕНКО

В НОЧНОМ

Стреножены кони на росном лугу, Тропинкой плутиной я к ним прибегу. Подернув ушами, всхрапнет вороной, Заржет и притопнет изящной ногой. За шею тихонько коня обниму И сахар с ладоны ему протяну. Распутая пути, гулять отпущу И громко во след я коню засвищу. Распушенной гривой помашет он мне И вихрем промчится по росной траве. Ноздрями потянет он воздух ночной И звонко заржет за мою спиной. На правой кося — табунок лошадей, Укрытый туманом от взгляда людей... Конь в воду заходит и, фыркнув, плывет, С другой стороны он подругу зовет. И скоро, наверно, услышать смогу Ответное ржанье на том берегу... «Стожары» наклонят расцветы к земле, А кони стоят по колено в заре.

А. КОЛМАНОВ.

ЭТО НЕ ДОЖДЬ

Это не дождь, это слезы несбывшихся наших желаний. Это не дождь, это плачет земля, ее жаль. Это не дождь, это горечь воспоминаний, Это не дождь, это просто большая печаль. Это не дождь, это капли и ручейки пота, Это не дождь, это страх за себя и детей. Это не дождь, это только большая работа, Это не дождь, это душ над простором полей. Это не дождь, это каждый по-своему видит, Это не дождь, это снится, наверно, нам. Это не дождь, это льются чужие обиды, Это не дождь, это всем воздалось по делам. Это не дождь, это наши мечтания, глупость, Это не дождь, это ветер от пляски весь взмок, Это не дождь, это верно обычная грубость, Это не дождь, это сотни и тысячи строк. Это не дождь, это проза, поэзия жизни, Это не дождь, это в спину вонзилась стрела. Это не дождь, это сок, в нем планета прокисла, Это не дождь, это черные чьи-то дела. Это не дождь, это тучи снимают усталость, Это не дождь, это пропасть залита водой. Это не дождь, это то, что от Бога досталось, Это не дождь, это день необычный такой.

Л. ФЕДОРОВА.

СТАРАЯ СИРЕНЬ

Я чьей-то музой никогда не стану — На этот счет уже не обольщусь. Мечтать об этом перестану, С судьбой своею соглашусь. Но и не стану чьей-то тенью, Точнее, брошу ее быть. Я, словно старый куст сирени, Спилить его, иль не спилить?... Но он цветет, хотя не очень Уже дарит свой аромат, Несет весну он в свою осень, Возможно, кто-то ему рад.

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сес

РАССКАЗ

ДЕД-ПТИЦЕВЕД

Мне всегда доставляло большое удовольствие беседовать с этой замечательной женщиной. В своем позднем возрасте она не утратила живости нрава и ту особую привлекательность увядания, которая необыкновенно украшает не только природу, но и многих людей достойной и несуетной жизни. У Анны Ивановны была необычная биография, обширные знания и превосходная память. В двадцатые годы во время перехода к мирному строительству после военной разрухи в нашей стране в целях «воспитания и просвещения широких масс трудящихся» начали выходить общественно-политические, литературно-художественные, научные и прочие журналы. Так случилось, что Анна Ивановна не осталась в стороне от этого дела. Ее довелось редактировать некоторые журналы того времени: «Советский активист», «Работай и учись», «Советское птицеводство». Как-то я позволил себе спросить у нее:

— Редактирование общественно-политического журнала — это понятно. Но «Советское птицеводство» — узко специальное издание. Неужели вы, Анна Ивановна, разбирались и в этих вопросах? — Не забывая особенностей времени, в котором это все происходило, — заметила Анна Ивановна. — Опыт редакторской работы у меня был, а привлечение специалистов, консультантов, авторов — дело обычное. В те годы птицеводство как отрасль народного хозяйства у нас только зарождалось. Вот и нужен был печатный орган для обмена опытом, обобщения знаний, осмысления задач, обучения, — словом, нужен был журнал.

Мы пили чай. Анна Ивановна после недолгой паузы, усмехнувшись своим воспоминаниям, сказала: — В редакции «Советского птицеводства» у меня была не совсем обычная встреча с Маяковским.

Я чуть не выронил чашку. — Как? С Владимиром Владимировичем? — С ним, — подтвердила Анна Ивановна. — С ним самим. К моей просьбе рассказать об этом Анна Ивановна отнеслась благожелательно.

— Для одного осеннего номера журнала, — начала она свой рассказ, — по заданию редакции ученый специалист по птицеводству написал статью. Я не помню фамилию автора, ее можно найти в подшивках. Речь в статье шла о некоторых проблемах содержания птиц и в том числе о приготовлении удобрения из куриного помета. Автор предлагал при минимальной обработке птичьих отходов какими-то химическими реагентами получать из них очень эффективное удобрение, которое он назвал красивым словом «пудрет». Надо заметить, что статью автор сдал

несколько позже договорного срока и это вызвало некоторое беспокойство по поводу выпуска журнала. Статья версталась последней и к моей досаде в конце ее на странице осталось свободное место. Это было совершенно нестыка, так как все плановые материалы были согласованы и использованы в номере. Подумала я подумала и решила. В каждой редакции всегда найдется один — два сотрудника, способных рифмовать несложные по содержанию тексты. Было и в нашей двое таких пиитов.

Вечером, уходя с работы, я попросила их ознакомиться с текстом статьи и сочинить простенькие, частушечного типа куплеты, чтобы как-то смягчить заумность ученой статьи и занять свободное место на странице. Домой ушла несколько успокоенная, но следующие утром в редакции меня ожидал сюрприз. Вахтерша сообщила, что сотрудники мои что-то писали, но больше курили. Один из них ушел скоро, а другой сидел порядочно.

На своем столе я увидела два листа бумаги, положенные аккуратно рядом. На одном была написана единственная, но довольно выразительная фраза: «Буду я о птичьем г... писать!». На втором листе четким почерком были написаны стихи:

Товарищ редактор, Я брошусь под трактор! Уж лучше мне проза, Стихи для кармана, Чем ради навоза Прослыть графоманом!

Вконец расстроенная я мысленно обругала своих помощников душегубами. Но что-то срочно надо было придумывать. Я перебирала в памяти последние письма читателей, заметки сельхозов, хотела уже из Брокгауза поместить какую-нибудь историческую справку, связанную с жизнью птиц или что-то иное в этом роде. Словом, была в полной растерянности. Редакция наполнялась народом, сочинители мои не показывались для объяснений да я и не хотела их видеть. И вот в такую минуту в мой кабинет вошел Маяковский. Так случилось нередко, что он заходил в редакции газет и журналов. Я уже встречалась с ним и встрети эти считала для себя и полезными, и очень приятными, но в этот момент я не обрадовалась его визиту. Помочь мне он ничем не мог, а на разговор с ним у меня не было ни одной свободной минуты. Он же был в хорошем настроении и склонен был к непринужденной беседе. Он сел в кресло напротив меня и, глядя мне в лицо, спросил, чем я расстроена. Я что-то сказала ему о редакторских хлопотах, о том, что перед выпуском номера всегда не хватает времени, но что это дело обычное и все как-то в конце концов уладится... Он прервал меня и настойчиво сказал: — Я вижу — редактор в затруднении. Что беспокоит редактора?

Я не хотела рассказывать ему о сути случившегося. Его творчество я воспринимала с трудом, хотя очень хорошо отдавала себе отчет в том, что человек он необыкновенный и очень большой поэт. Но открытая напористая социальность его сти-

От автора. Ни в одном собрании сочинений В. В. Маяковского нет частушек, о которых сообщается в рассказе. Очевидно, они так и остались в творческом активе никому неведомого «Деда-птицеведа».

хов казалась мне излишне плакатной. Что же касается формы его стихосложения, то она мне совсем не нравилась. Ну как он помогает мне своей «лесенкой»? На полстраницы уместится не больше одного четверостишия. Нет, я не хотела посвящать его в свои затруднения, но он настоял. Я дала ему статью ученого птицевода и он быстро ее просмотрел.

— Так что же ты хочешь? — спросил он, откладывая статью в сторону. — Что я хочу! Есть пустое место на полстраницы и я хотела бы поместить сюда какой-то легкий стихотворный текст. Что-то вроде частушек. Чтб моя птичница в хорошем настроении вышла на крыльцо и запела.

Маяковский внимательно посмотрел на меня, подумал минуту-другую, достал из кармана пиджака вечное перо и взял лист чистой бумаги. «Вроде частушек», — пробормотал он и принялся писать. Это продолжалось недолго. Вскоре он положил на стол передо мной стихи. Я не поверила своим глазам. На бумаге были написаны куплеты. Они располагались аккуратно четверостишиями и заполняли весь лист. Это было настолько несвойственно творческому стилю Маяковского, что в первую минуту я испытала перед ним необычайное чувство неловкости. Я прочитала текст:

В зиму птичьего навоза Наберу четыре воза. Что с ним делать — не секрет, Изготовлю я пудрет.

Нам пора покончить с ленью, Что зря гибнут удобрения? В нем и фосфор, и азот — Будет пышный огород.

И в этом духе шесть четверостиший. Внизу стояла подпись: «Дед-птицевед». Ни о чем лучшем я и мечтать не могла. Я не знала, как благодарить автора. На мои слова признательности Маяковский отреагировал просто и деловито:

— Обычное дело. Выполнен социальный заказ — и только.

Я спросила: — А как же с подписью? Неужели с этой, что стоит под стихами, сдавать в набор?

— С этой, — ответил Владимир Владимирович, доставая из портсигара папиросу.

— Но мне кажется я где-то встречала похожего деда.

— Ничего, пусть будет еще один. Он ушел спокойный, независимый, а у меня на душе стало тревожно. Мне всегда казалось, что несмотря на всю его бравату, внутренне он был очень уязвимым человеком. За делами и суетой мое тревожное чувство быстро развевалось. Журнал вышел в срок и дела мои редакторские пошли своим чередом.

Евгений МОСЯГИН.